

— Все мы люди, и у каждого есть свои эгоистичные помыслы. А когда человеком движут личные интересы, за этим всегда кроется умысел. Мэн Лан не исключение, и Чжао Шан — тем более.

— Неужели и у старшего брата есть эгоистичные помыслы?

Ван Чжэнь на миг умолк, а затем непринуждённо улыбнулся:

— Разумеется, есть.

Тан Шэню стало любопытно:

— И в чём же они заключаются?

— С древности говорят: «В тридцать лет человек обретает опору». В следующем году мне как раз исполнится тридцать.

Тан Шэнь: «?..» Чего?

Ван Чжэнь лишь слегка улыбнулся и не стал ничего объяснять.

Суть выражения «в тридцать лет обрести опору» заключалась в том, что мужчине сначала следует обзавестись семьёй, и лишь затем строить карьеру.

Ван Чжэнь испытывал из-за этого глубокую вину. Ему казалось, что он двадцать лет впустую учился: хотя он и верил, что не подвёл ни Небо, ни Государя, но пренебрёг наставлениями предков и нарушил ритуал, сначала сделав карьеру, но так и не создав семью. Подобных отступлений от правил Ван Цюань делать не желал и твёрдо намеревался всё исправить. К счастью, ещё было не поздно.

Двенадцатого числа восьмого месяца, в День рождения покойной императрицы-матери, Чжао Фу облачился в парадные деяния и в сопровождении чиновников прибыл в Храм Динго, чтобы вознести молитвы и совершить жертвоприношение Небу в память о матери.

Тан Шэнь стоял в первых рядах чиновников, а за его спиной живым тёмным морем опустилось на колени множество сановников рангом ниже четвёртого. Во время жертвоприношения Небу склониться был обязан даже Чжао Фу. В тяжёлом парадном облачении император медленно шаг за шагом подошёл к Храму Неба. Подняв взор на поминальную дощечку покойной матери, он залился слезами и упал на колени, молясь о её упокоении.

Сын Неба опустил на колени, и все чиновники склонились в земном поклоне.

Подданные прижались лбами к земле, не смея поднять головы.

Сотни людей заполнили огромный Храм Динго, но стояла такая звенящая тишина, что слышно было бы, как упадет иголка.

В этот миг Тан Шэнь услышал тихое пение священных текстов. Голос звучал словно песнопение из Западного Рая Чистой Земли: казалось, едва он раздался, как умолкли все птицы и насекомые. Незнакомый медленно перебирал сандаловые чётки, слово за словом вознося молитвы о покойной императрице-матери. Когда он закончил чтение всей «Сутры об основных устремлениях Кшитигарбхи», Сын Неба поднялся с цинки, и чиновники наконец смогли поднять головы.

Тан Шэнь пригляделся и наконец увидел этого человека.

У Храма Неба Глава Астрономического приказа стоял на коленях слева от императора, а справа от государя стоял монах. У него было круглое, исполненное доброты и сострадания лицо; одного его мимолётного взгляда хватало, чтобы наполнить сердце умиротворением и душевной чистотой.

Тан Шэнь некоторое время смотрел на него как заворожённый, пока в его голове внезапно не вспыхнуло имя.

Это и был Монах Шаньтин.

После завершения молебна в Храме Динго чиновники вслед за императором вернулись в императорский дворец на праздничный пир.

Когда сановники покидали Храм Динго, вороватая фигура в даосском одеянии поспешно приблизилась к экипажам чиновников второго ранга. Ли Сяорэнь прождал довольно долго, пока наконец не заметил Ван Чжэня. Его глаза вспыхнули, он торопливо подошёл и окликнул:

— Ван Цюань!

Ван Чжэнь обернулся и увидел Ли Сяорэня. На его благородном лице отобразилась мягкая улыбка, и он тихо промолвил:

— О, это вы, Господин Ли.

Ли Сяорэнь подошёл к Ван Чжэню в одиночку — очевидно, у него было к нему дело.

Ван Чжэнь сразу понял его намёк и произнёс:

— Время ещё раннее. По пути в Храм Динго я заметил у подножия горы чайную, где можно отдохнуть.

Ли Сяорэнь мгновенно уловил мысль:

— Если Ван Цюань не против, не выпить ли нам чаю в той чайной?

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Превосходно.

Они вместе отправились в чайную.

Эта чайная находилась у подножия Храма Динго и процветала благодаря непрерывному потоку паломников. Хотя она и располагалась в долине, гостей хватало: все они приходили отдохнуть после совершения обрядов и молений на горе. Войдя в чайную, собеседники уединились в отдельном покое.

Едва войдя в комнату, Ли Сяорэнь упавшим голосом спросил:

— Ван Цюань, вы видели сегодня этого Шаньтина?

— Я и прежде встречал мастера Шаньтина на Террасе Восхождения к Бессмертным, — ответил Ван Чжэнь. — Господин Ли, у вас что-то случилось?

Ли Сяорэнь вдруг усомнился в отношении Ван Чжэня к Шаньтину. Он колебался, не зная, с чего начать. Но положение его было безвыходным, поэтому, помешкав лишь мгновение, он признался Ван Чжэню:

— Не стану скрывать от вас, Ван Цюань: с тех пор как этот Шаньтин попал во дворец, он завоевал глубокое доверие Его Величества. Каждый день он готовит для государя эликсиры и читает сутры. О мелочах я даже говорить не стану, дабы Ван Цюань не подумал, будто Ли Сяорэнь — лишь коварный сановник, пытающийся устранить соперников. — Договорив до этого места, Ли Сяорэнь сам запнулся от неловкости и, прочистив горло, продолжил: — Я просто чувствую, что здесь что-то не так.

Ван Чжэнь неторопливо ответил:

— Господин Ли подле Его Величества уже более двадцати лет, и о вашей искренней преданности известно всему двору.

Ли Сяорэнь прекрасно понимал, что Ван Чжэнь говорит чиновничьими штампами, но слышать это всё равно было приятно. Он окончательно успокоился, убедившись, что Ван Чжэнь всё ещё на его стороне. Впрочем, так и должно быть: они знакомы уже много лет, а Шаньтин прибыл в столицу только в этом году. Если бы Ван Чжэнь захотел оттолкнуть его ради знакомства с Шаньтином, ему пришлось бы приложить немало усилий, а овчина выделки не стоила.

Ли Сяорэнь продолжил:

— С тех пор как более десяти лет назад Его Величество тяжело заболел и пролежал без сознания несколько десятков дней, он вступил на путь поиска Дао и обретения бессмертия. Прежде государь каждый день отправлялся на Террасу Восхождения к Бессмертным для совершенствования и вбирания духовной энергии Неба и Земли, но обычно это занимало лишь один час. Его Величество проявлял осмотрительность и сдержанность: даже предаваясь совершенствованию, он неустанно трудился на благо государства. Однако стоит появиться этому Шаньтину, как времени на государственные дела у императора стало уходить гораздо меньше, а на Террасе Восхождения к Бессмертным он теперь проводит по три часа в день!

Ван Чжэнь изобразил удивление.

Видя его реакцию, Ли Сяорэнь остался крайне доволен и выложил дальше:

— Я уже пытался убедить Его Величество, что не стоит ради обретения бессмертия подрывать драконье здоровье. Духовная энергия Неба и Земли входит через точку бай-хуэй, проходит через шэнь-тин, пронизывает цин-мин, сходится в сань-инь-цзяо и выходит через юн-цюань — лишь тогда достигается истинное умиротворение и естественность в дыхании. Чрезмерное усердие лишь вредит, и Его Величеству следует больше печься о своём драконьем здравии. Но государь не прислушался к моим словам, а вместо этого тут же призвал Монаха Шаньтина для чтения священных текстов.

— Господин Ли хочет сказать...

Ли Сяорэнь с тревожным видом и обеспокоенным тоном произнёс:

— Ваш покорный слуга опасается: если Его Величество ежедневно тратит столько сил на создание эликсиров и путь к бессмертию, это может навредить драконьему здоровью. И что же тогда делать?

Распрощавшись у чайной, они по отдельности отправились обратно в столицу.

Едва расставшись с Ван Чжэнем, Ли Сяорэнь тут же переменялся в лице, сбросив прежнюю маску.

— И кто знает, сумеет ли этот Ван Цзыфэн придумать план, чтобы извести проклятого Шаньтина!

Ученик Ли Сяорэня уже давно дожидался у чайной. Увидев учителя, юный даос торопливо подбежал, чтобы раскрыть над ним зонт и обмахивать веером. Сетования Ли Сяорэня долетели до его ушей, и мальчишка, поворачивая глазами, спросил:

— Учитель, неужели этот Ван Цзыфэн и впрямь сможет избавить нас от лысого осла?

Ли Сяорэнь обрезал:

— А мне-то откуда знать!

Юный даос обомлел:

— А?

— Эх, я просто хватаюсь за последнюю соломинку. Сейчас я и за три дня не могу пробиться к Его Величеству, в то время как Шаньтин каждый день сидит на Террасе Восхождения к Бессмертным и читает государю сутры. Всё, что я сказал Ван Цзыфэну, звучало от всего сердца: если так пойдёт и дальше, это неизбежно отразится на драконьем здоровье государя. Эх, что до Ван Цзыфэна, то я до сих пор так и не смог разгадать его. Остаётся лишь надеяться, что на этот раз он протянет нам руку помощи. Если мы останемся перед ним в долгу, я обязательно это запомню и со временем отплачу.

Чжао Фу искал путь к бессмертию и предавался совершенствованию более двадцати лет. И вот теперь он внезапно обратился к вегетарианству и молитвам Будде. Хотя придворные и находили это чрезвычайно абсурдным, кто посмеет вмешиваться в дела императора? Цензорат словно бы и вовсе не слышал о Шаньтине — ни один цензор не подал на него жалобу.

На тридцать первом году правления под девизом Кайпин при дворе поднялась бурная волна. И этот шторм вызвало не то, что Чжао Фу внезапно сменил даосизм на буддизм, а то, что трое принцев вошли в правительство и приступили к исполнению государственных обязанностей.

Чжао Фу исполнилось шестьдесят семь лет, однако его сыновья были относительно молоды: самому старшему, второму принцу Чжао Шану, исполнилось лишь тридцать два года. Все трое давно вышли из детского возраста, и то, что Чжао Фу, игнорировавший их в течение многих лет, вдруг призвал их к управлению государством, выглядело крайне чувствительным знаком.

Шэнцзин. Усадьба Правого канцлера.

В городе Шэнцзин ходила поговорка, которую часто напевали уличные ребята; попевка эта повествовала о двух канцлерах Великой Сун. В ней говорилось: «В Усадьбе Левого канцлера — лишь дрова да рис, а в Усадьбе Правого — земной рай». Смысл был в том, что Левый канцлер Цзи Вэнцзи оставался безупречно чист и честен, не имея в доме ни гроша лишнего добра. Правый же канцлер Ван Цюань был иным: Ван Цюань, конечно, тоже не являлся корыстным чиновником, однако происходил из знатного и богатейшего рода. Усадьба Правого канцлера воплощала в себе изысканную утончённость садов Цзяннани; сама по себе она выглядела

прекрасным поместьем, но в сравнении с бедным и унылым жилищем Левого канцлера казалась настоящим райским уголком.

И в сей миг Правый канцлер Ван Цюань стоял у окна своего кабинета, распахнув створки, и задумчиво смотрел вдаль на пруд, сплошь покрытый цветущими лотосами.

<http://bllate.org/book/18292/1757421>